

Елена Анатольевна Косован

Кандидат исторических наук, доцент, Институт евразийских и межрегиональных исследований, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия. 125993, Мнусская пл., д. 6. E-mail: kosovan.ea@rggu.ru

Общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу

Рец. на: Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4)

В статье предпринят критический обзор сборника статей «Нации и границы. Формирование новых государств в Центрально-Восточной Европе после Первой мировой войны», опубликованного в 2022 г. в рамках серии «История в центральноевропейском контексте», которая представляет собой площадку для академических дискуссий, посвященных в первую очередь средневековой, новой и новейшей истории Польши, а также так называемой Центрально-Восточной Европы. Авторы вошедших в сборник работ — историки из Польши, России, Украины, Латвии и Литвы — сфокусировались на проблеме «эмансипации» народов данного региона во время и после Первой мировой войны в контексте распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и восстановления польской государственности. В центре их внимания — формирование основных атрибутов государственности, то есть становление территорий и границ, определение статуса (иерархии статусов) населения, создание властных структур и организаций, среди которых выделены органы исполнительной власти и вооруженные силы. Предметом особого интереса авторов исследований, вошедших в рецензируемый сборник, стала проблема национального суверенитета и его источников — внутренних и особенно внешних: проанализировано влияние Великобритании, США, Франции, Германии, России на становление польской, украинской, белорусской, литовской, латвийской государственности, причем восстановленное польское государство играет в данном случае амбивалентную роль, являясь одновременно и участником, и фактором национального и государственного «творчества». Положительно оценивая вклад создателей

сборника в современные восточно- и центральноевропейские исследования, в рецензии отмечено, что в первую очередь данное издание интересно как историографический источник, свидетельствующий о выработке определенной модели переосмысления «больших» имперских нарративов в национальных категориях.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, нация, государственность, граница, идентичность, конфликт, Первая мировая война, Рижский мир, историография, критика

Статья поступила в редакцию: 12 февраля 2024 г.

Статья принята к печати: 11 марта 2024 г.

Цитирование: Косован Е. А. Общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу. Рец. на: Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4) // Центральноевропейские исследования. 2024. Вып. 7. С. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.14>

«**Н**ации и границы. Формирование новых государств в Центрально-Восточной Европе после Первой мировой войны» — это четвертое издание в рамках серии «История в центральноевропейском контексте», которая была создана в 2021 г. по инициативе историков Университета имени Николая Коперника в г. Торунь и выходит в свет ежегодно под эгидой Польской исторической миссии — академической институции данного университета, работающей в настоящее время на базе Вюрцбургского университета Юлиуса и Максимилиана. К настоящему времени издано шесть сборников статей: «Миграция, коммуникация, трансфер» (2021 г.), «Групповые идентичности в Центральной и Восточной Европе» (2021 г.), «Документы, архивы, контексты» (2022 г.), «Нации и границы» (2022 г.), «Между Востоком и Западом» (2023 г.), «Между историей событий, явлений и процессов» (2023 г.).

Как было заявлено в первом издании, его главная цель — представить новейшие исследования по истории Польши, помещая ее в широкий региональный и трансрегиональный контекст и делая особый акцент на взаимоотношениях «с немецким культурно-историческим ареалом»¹. Собственно, основным объектом интереса для участников данного научного проекта является

¹ Skowrońska 2021: 7.

[Р]егион, который не поддается четкому определению и который можно рассматривать либо как ядро субконтинента “Центральная Европа”, либо как “промежуточную” территорию, лежащую между гораздо более четко определяемыми Западом, Востоком, Югом и Севером Европы².

При этом в предисловии к первому изданию подчеркивалось, что этот термин используется лишь для примерной «географической локализации академических наблюдений»³, не подразумевает сколько-нибудь четких границ и может менять свои внешние очертания и внутренние границы в зависимости от темы и оптики исследования⁴. Важно заметить, однако, что во многом издатели серии опираются на концепцию «Центрально-Восточной Европы» в понимании прежде всего польского историка Оскара Халецкого (1891–1973), для которого существовали не только Западная и Восточная Европа, но также Центрально-Западная и Центрально-Восточная. Центрально-Восточная Европа представляла собой, с точки зрения О. Халецкого, своеобразное в цивилизационном смысле пространство между Германией и Россией, специфика которого обосновывалась тремя факторами — религиозным (соперничество и взаимодействие главным образом католицизма и православия), этническим (относительное преобладание славянских этносов, их сосуществование с германскими, финно-угорскими и другими народами) и политическим (в течение долгого времени эти народы не имели собственной государственности)⁵. Как показывает Р. Стобецкий, для О. Халецкого ключевое значение имели три вопроса:

Во-первых, принадлежность Германии не к Западной, а к Центрально-Западной Европе. Во-вторых, цивилизационное своеобразие Центрально-Восточной Европы, занимающей пространство между Германией и Россией. Наконец, в-третьих, место России в таком делении Европейского континента⁶.

Именно в таком ракурсе в сборнике «Нации и границы» рассматривается проблема «эмансипации» наций и формирования новых

² Skowrońska 2021: 7.

³ Skowrońska 2021: 8.

⁴ Skowrońska 2021: 8.

⁵ Стобецкий 2009: 60.

⁶ Стобецкий 2009: 59–60.

национальных государств — Польши, Литвы, Латвии, Украины и Беларуси — в Центрально-Восточной Европе во время и после Первой мировой войны, причем Центрально-Восточная Европа выступает в данном случае как пространство сложного пограничья, находящегося под влиянием не только в недавнем прошлом распавшихся Российской, Германской и Австро-Венгерской империй, но и переставшей существовать в конце XVIII в. Республики Двух Народов (*Rzeczpospolita Obojga Narodów*)⁷, память о которой продолжала оказывать значительное влияние на нациогенетические процессы в указанном субрегионе и в XX в., поскольку, как отметили авторы и редакторы сборника Дорота Михалук и Мацей Кротofil (оба из Университета им. Николая Коперника в Торуне), идентичность украинцев, белорусов, латышей и литовцев формировалась во многом как антагонист и русского, и польского этнокультурного начала⁸.

Итак, цель издания заключается в презентации процессов нации и политогенеза в субрегионе в контексте влияния на эти процессы Германии, России и Польши, причем последняя выступает одновременно в двух ипостасях — и как участник этих процессов, и как их фактор. Актуальность исследований на подобные темы обуславливается, как справедливо полагают создатели антологии, значением событий 1917 — первой половины 1920-х годов для понимания специфики взаимоотношений, с одной стороны, между современными государствами Центрально-Восточной Европы, а с другой — между ними и государствами соседних (суб)регионов⁹.

В сборник вошли работы 12 авторов, представляющих как Университет имени Николая Коперника, так и другие академические центры — Университет Витовта Великого и Институт истории Литвы, Латвийский университет, Институт всеобщей истории Российской академии наук, Нежинский государственный университет имени Николая Гоголя и Киевский университет имени Бориса Гринченко. Тематически эти работы делятся на несколько групп.

В первой группе можно объединить исследования, посвященные восстановлению польской государственности, формированию территории возрожденной Польши и особенно — установлению

⁷ Michaluk, Krotofil 2022: 11.

⁸ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁹ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

«восточной границы», которое подразумевало решение судьбы проживающих здесь белорусов, украинцев и литовцев. Вторая группа включает материалы, в которых основным объектом исследования является нацио- и государствообразование в странах Балтии. Третью и четвертую группы формируют статьи по украинистике и белорусистике.

Границы между этими группами довольно условны, поскольку процессы становления новых государств в Центрально-Восточной Европе взаимосвязаны. Так, восстановление Польши в границах XVIII в. было невозможно не только вне диалога с акторами «большой европейской политики», но и без «выяснения отношений с народами, которые когда-то жили вместе с поляками в одном государстве»¹⁰. По словам Адама Чарторыйского (1770–1861), которые привела в статье Илона Залеская:

Веками мы перемешивались <...>, история объединила эти семьи в один народ; <...> общие страдания, общие интересы, одна надежда на свободу <...> должны объединить нас теперь теснее, чем когда-либо¹¹.

Но объединение осложнилось тем, что белорусы, украинцы и литовцы тоже «встали на путь эмансипации»¹² и одновременно с польским национально-государственным проектом пытались реализовать собственные.

«Польский блок» сборника открыла статья И. Залеской (Университет им. Николая Коперника в Торуне) «Федерация или инкорпорация? Польские политические партии и выработка концепции восточной границы в преддверии Первой мировой войны». Автор сфокусировалась на эволюции представлений польских политических кругов о моделях территориального устройства возрожденной Польши и, в частности, о судьбе украинских, белорусских и литовских земель, об устройстве восточной границы. Залеская обратилась к пространственным образам национального государства, которые конструировались и использовались разными польскими политическими силами на протяжении «долгого XIX века» — от декларации

¹⁰ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

¹¹ Zaleska 2022: 19–20.

¹² Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

«К польским воинам» 25 декабря 1831 г. до территориальной программы польского государства, представленной польской делегацией на мирной конференции в Париже. Ознакомив с ними читателя, Залеская показала, как менялись эти образы под влиянием разных факторов, среди которых важнейшими оказались нациотворческие процессы, развернувшиеся среди населения восточной части бывшей Речи Посполитой, и пришла к выводу о формировании двух основных моделей решения вопроса о восточной границе — федеративной (свойственной социалистам) и победившей в конечном итоге аннексионистской или инкорпоративистской (присущей сторонникам Национально-демократической партии)¹³.

В статье профессора Ярослава Центека (Университет им. Николая Коперника в Торуне) «Разоружение немецких войск на польских территориях в ноябре 1918 г.» рассмотрен такой аспект восстановления независимости Польши в 1918 г., как разоружение воинских формирований Второго рейха, точнее — «отъем у немцев военного имущества и гражданской власти», если использовать определение Марии Домбровской (1889–1965)¹⁴. Отмечая, что интересы немцев и поляков на данном этапе противостояния в основном совпадали (первым столь же сильно хотелось вернуться домой, сколь вторым — очистить свои земли от оккупантов) и потому разоружение в большинстве случаев прошло мирно, проф. Центек сделал акцент на том, что решающее значение для хода операций по разоружению имело моральное состояние войск¹⁵. Уставшие от войны, дезорганизованные и дезориентированные вследствие революционных событий в Германии и отречения Вильгельма II, немцы подчинялись «стихийным акциям разоружения». А ведь акции эти осуществляли не только различные польские организации, но и просто «неорганизованные гражданские лица»¹⁶, вдохновленные гибелью держав, когда-то разделивших Польшу.

Статья «Дипломатические и военные усилия по признанию Республики Польша и ее границ, 1914–1921 (1923 г.)» Кшиштофа Кани

¹³ Zaleska 2022: 18.

¹⁴ Келта М. Почему Польша празднует День независимости 11 ноября? // Портал Culture.pl. 11.11.2018. URL: <https://culture.pl/ru/article/pochemu-polsha-prazduet-den-nezavisimosti-11-noyabrya> (дата обращения: 28.11.2023).

¹⁵ Centek 2022: 56–58.

¹⁶ Centek 2022: 57–58.

(Университет имен Николая Коперника в Торуне) посвящена «наиболее важным и трудным для польской дипломатии событиям» 1914–1921 гг., связанным с возвращением Польши на карту Европы, формированием границ возрожденного Польского государства и его международным признанием¹⁷. Актуализация «польского вопроса» в европейской политике, проявившаяся еще до начала Первой мировой войны, в военное время способствовала формированию национальных организаций, стремящихся к восстановлению независимости Польши с помощью Тройственного союза или Антанты¹⁸. Деятельность этих организаций помогла подготовить почву для важнейшего итога Парижской мирной конференции — «признания независимой Польши, возрожденной в качестве субъекта международного права после 123 лет небытия»¹⁹, но главное — стала важной школой политико-дипломатической деятельности для многих польских патриотов, участвовавших затем в дипломатической кампании 1918–1921 гг. за восстановление национальной государственности и за сохранение в составе Польской Республики «восточных земель»²⁰.

Статьей Евгении Львовны Назаровой (Институт всеобщей истории РАН) начат «балтийский раздел» сборника, в который входят также работы Эрика Екабсона (Латвийский университет), Кестутиса Килинскаса (Вильнюсский университет), Томаса Балкелиса (Институт истории Литвы) и Томаса Блацака (Университет Витовта Великого).

Работа Е. Л. Назаровой, озаглавленная «Становление Латвийского государства. От идеи к демократической республике, 1905–1922 гг.», носит обзорный характер: в ней зафиксированы основные вехи латышского политогенеза, протекавшего на фоне и в тесной связи с (этно)политическими трансформациями, социальными конфликтами и военными катастрофами начала XX в. — от Первой русской революции до Войны за независимость Латвии (1918–1920 гг.). Особое внимание уделено автором эволюции представлений латышей о форме национального самоопределения: национально-политическая автономия (1905 г.) — широкая национально-территориальная автономия в рамках федеративного государства (1917 г.) — суверенная

¹⁷ Kania 2022: 71.

¹⁸ Иванов 2018: 7.

¹⁹ Kania 2022: 80.

²⁰ Kania 2022: 88.

республика (1918 г.). Также Е.Л. Назарова тщательно исследовала факторы, оказавшие влияние на эту эволюцию, в том числе попытки поставить латвийский государственный проект под советский или германский контроль или же в процессе национального самоопределения заручиться поддержкой США и Великобритании²¹.

Э. Екабсонс в статье «Война за независимость Латвии: основные особенности (1918–1920)» сосредоточился на финальном этапе процесса национального самоопределения, описанного Е.Л. Назаровой, когда «латышам пришлось сражаться как с армией Советской Латвии, так и с немецкими войсками»²². Констатируя, что несмотря на схожесть геополитического положения трех стран Балтии, им пришлось бороться за независимость в разных условиях, Екабсонс объяснил специфику реализации латвийского национально-государственного проекта. В годы Первой мировой войны это — пребывание латвийских земель в течение длительного времени в «зоне непрекращающихся боевых действий», что «исключало возможность проведения серьезных общественно-политических мероприятий, в том числе провозглашения независимости в какой-либо форме»²³; после Компьенского перемирия — пребывание в зоне столкновения интересов (а часто — и вооруженных сил) большого количества акторов:

Советской России и латышских большевиков, прибалтийских немцев и Германии, антибольшевистской России, новых и возрожденных соседних государств — Эстонии, Литвы, Польши, Финляндии, даже (хотя и в меньшей степени) Белорусской Народной Республики и Украинской Народной Республики, и, наконец, <...> великих западных держав²⁴.

Описывая Войну за независимость Латвии, которую называют также Освободительной войной, проф. Екабсонс подчеркнул, что «в рядах Латвийской армии <...> находились солдаты практически всех народов, проживавших в Латвии: украинцы, караимы, чехи, шведы, французы, датчане и т.д.»²⁵. Участниками борьбы «за независи-

²¹ Nazarova 2022: 102.

²² Nazarova 2022: 105.

²³ Jēkabsons 2022: 111.

²⁴ Jēkabsons 2022: 114.

²⁵ Jēkabsons 2022: 119.

мое Латвийское государство»²⁶ стали также женщины и дети, что позволяет рассматривать Освободительную войну как значимый и, возможно, один из финальных этапов в формировании политической латвийской нации.

В работе К. Килинскаса «Ожидания членов литовского правительства и дипломатов и реальные возможности вооруженных сил в борьбе с большевиками в 1919 г.» проанализировано взаимовлияние политико-дипломатической и военной кампаний в рамках войны за независимость Литвы²⁷. Дипломатические и особенно военные возможности Литовской Республики, как и других государств, формировавшихся на обломках Российской империи, были весьма ограничены. Как констатировал автор, они значительно превышали собственные национально-территориальные амбиции и не соответствовали стоявшей перед Литвой необходимости вести войну на три фронта — с Россией, Польшей и Германией²⁸. Не обладая собственными военными ресурсами для защиты суверенитета, Литва была вынуждена «просить оружие и воинские силы везде, где это было возможно» — в Великобритании, США, Франции, Германии, странах Северной Европы²⁹, которые принимали решение о помощи Литве, сообразуясь с собственными интересами, учитывая свои отношения с Россией и еще одной стороной конфликта — Польшей, а также принимая во внимание конкретную ситуацию на советско-польско-литовском фронте. Балансирование между всеми этими акторами, интересами и амбициями ставило молодое литовское государство в крайне сложное положение, когда результат и дипломатических переговоров, и военных действий оказывался слабо предсказуемым из-за действия множества часто взаимоисключающих факторов³⁰.

Тему войны за независимость Литвы продолжил Т. Балкелис в работе, озаглавленной лаконично: «Виленский конфликт, июль — сентябрь 1920 г.». Основным предметом исследования в данном случае стал сам многонациональный город в период резких смен власти³¹. Политические настроения горожан, экономическое положение,

²⁶ Jekabsons 2022: 125.

²⁷ Kilinskas 2022: 129–130.

²⁸ Kilinskas 2022: 129–130.

²⁹ Kilinskas 2022: 131.

³⁰ Kilinskas 2022: 132.

³¹ Balkelis 2022: 147.

стратегии адаптации и прочие подобные сюжеты рассмотрены в контексте событий советско-польской войны и особенно пребывания Вильнюса под советским и литовским контролем³². «Литовский период» интересовал автора в первую очередь: он заметил, что уже на начальном этапе перед национальными городскими властями встала

[Б]олее серьезная задача, чем восстановление нормальной повседневной жизни города: интеграция многонационального населения <...> в политическую и культурную ткань государства, превращения горожан в лояльных граждан³³.

Однако задача эта оказалась невыполнимой — как из-за значительных противоречий между литовским, польским и белорусским населением, так и из-за принципиального отсутствия у литовских политических элит сколько-нибудь внятной программы «переплавки» полиэтничного населения Вильнюса в единое национальное целое, помимо форсированной литвинизации. В этих условиях, желая максимально нивелировать влияние польской общины на ситуацию в столице, городские власти переключились на решение экономических задач и укрепление местных государственных структур, надеясь сплотить горожан и обеспечить их лояльность таким образом. Вопросы гражданской и культурной интеграции нелитовского населения Вильнюса отошли на второй план, а затем, на фоне ухудшения ситуации на польско-литовском фронте, и вовсе потеряли актуальность³⁴.

Исследование Т. Блащак «Чрезвычайное положение независимой Литвы в 1918 г. и две (не)реализованные институциональные модели автономии» было направлено, как следует из названия, на проблему предоставления автономии национальным меньшинствам Литвы — белорусам и евреям, причем эта проблема не только вписана в общий круг вопросов становления литовской государственности, но также рассмотрена в связи с влиянием на ситуацию в Литве других государств — главным образом Германии, Польши и России³⁵.

В центре внимания Блащак — две модели автономии, территориальная (национально-территориальная) и нетерриториальная

³² Balkelis 2022: 157.

³³ Balkelis 2022: 158.

³⁴ Balkelis 2022: 162.

³⁵ Błaszczak 2022: 171–172.

(национально-культурная). По его мнению, идея нетерриториальной автономии, возникшая в Австро-Венгрии, в начале XX в. получила широкую известность в Российской империи, а после распада державы Романовых идею эту попытались реализовать на нескольких территориях постимперского пространства, в том числе в Литве³⁶. Реализация литовского государственного проекта в ноябре — декабре 1918 г. сопровождалась переговорами о создании белорусской и еврейской автономии, которые завершились достижением принципиального соглашения. Однако дальше дело не пошло: ни белорусская, ни еврейская автономия созданы не были. Имели место лишь некоторые шаги в этом направлении: меньшинства получили места во временных органах исполнительной власти Литвы, вошли в состав делегаций, участвовавших в Парижской конференции (1919 г.) и мирных переговорах с Россией (1920 г.), удалось добиться принятия Временного закона о налогообложении еврейских граждан (10 января 1920 г.)³⁷. Однако потеря Вильнюса изменила отношение литовских властей к идее автономии и к национальным меньшинствам: единственным автономным образованием в составе Литовской Республики стал в 1924 г. Мемельский (Клайпедский) край³⁸.

Украинистику в томе представляют работы Игоря Владимировича Срибняка (Киевский университета им. Бориса Гринченко), Максима Васильевича Потапенко (Нежинский государственный университет им. Николая Гоголя) и редактора сборника М. Кротофила.

В статье И. В. Срибняка «Директория Украинской Народной Республики — Государственный центр Украинской Народной Республики в изгнании (1919–1926): Исследование военно-политической деятельности на Украине и в Польше» представлены результаты исследования одной из интереснейших проблем в историографии украинской эмиграции — так называемой перемещенной государственности на примере украинских законодательных и исполнительных властных институтов, подобных ГЦ УНР, расплывшихся в первой половине межвоенного периода по территории Европы. Центральный сюжет исследования — украинско-польские отношения на фоне противостояния с «красной Москвой» и белогвардейским движением,

³⁶ Błaszczak 2022: 173.

³⁷ Błaszczak 2022: 182.

³⁸ Błaszczak 2022: 184.

предметом же особого внимания автора стала фигура Симона Петлюры (1879–1926), отстаивавшего идею суверенной и демократической Украины как «надежного барьера против проникновения “бациллы” большевизма в Польшу и Европу»³⁹. В статье рассмотрены попытки С. Петлюры сохранить, реорганизовать, интегрировать фрагменты украинской государственности в эмиграции, и в первую очередь — вооруженные силы, которые воспринимались Петлюрой как «залог продолжения вооруженной борьбы под флагом УНР», опора «всеукраинского движения сопротивления большевизму»⁴⁰.

Как уже не раз отмечалось авторами сборника, общества Центрально-Восточной Европы отличались многонациональностью, композитностью, наличием множества этноконтактных зон и формирование здесь национальной государственности было во многом осложнено необходимостью учитывать эти факторы и выстраивать особые отношения с представителями разных этноконфессиональных групп. Причем успех того или иного государственного проекта зачастую был обусловлен способностью властных элит решить «национальный вопрос». Исследование М. В. Потапенко «Украинская государственность в представлении польских политических сил в Приднепровской Украине в 1917–1918 гг.» посвящено «польскому фактору» в истории УНР. Но если И. В. Срибняк сконцентрировался на межгосударственных взаимоотношениях, то М. В. Потапенко предпочел иной ракурс: в его работе рассмотрен процесс социально-политической консолидации и национальной мобилизации польского населения Приднепровской Украины на фоне Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций. Он отметил, что «сочетание в сознании большинства поляков Приднепровской Украины ощущения национальной обособленности и одновременно чувства туземности и чувства меньшинства» актуализировало вопрос об организации национального самоуправления, решение которого на фоне острых политических противоречий «привело к одновременной реализации двух конкурирующих проектов польской автономии» — широкой национально-территориальной и более умеренной национально-культурной⁴¹. Ни один из них, впрочем, не уда-

³⁹ Sribnyak 2022: 196.

⁴⁰ Sribnyak 2022: 203–204.

⁴¹ Potapenko 2022: 203–204.

лось реализовать. Что касается отношения польских политических сил к украинскому государственному проекту, М. В. Потапенко выделил следующий сценарий: на протяжении 1917–1918 гг. в общественно-политической жизни Днепрянщины доминировали национал-демократы и «пилсудчики», которые первоначально отстаивали идею украинской автономии в составе России; однако «вхождение Украины в орбиту германского влияния» (1918 г.) заставило их разделиться: первые продолжали отстаивать идею Украины как части России, вторые же стали убежденными сторонниками украинской независимости⁴². Это расхождение было связано с позициями «эндеков» и «пилсудчиков» относительно границ обновленного польского государства⁴³.

В статье «Создание Западно-Украинской Народной Республики и польско-украинская война 1918–1919 гг. в контексте стремления галицийских украинцев к независимости» М. Кротофил рассмотрел проблему столкновения «государственных интересов двух соседних народов — польского и украинского», одновременно приступивших к формированию собственных политий, на примере одной из этноконтактных зон постимперского пространства — Восточной Галиции⁴⁴. Столкновение привело к войне, в которой украинская сторона проиграла, хотя первоначально украинские и польские позиции были примерно равными. В частности, как отметил автор, ни те ни другие не имели регулярной армии⁴⁵. Впоследствии оказалось, что

⁴² Potapenko 2022: 225–226.

⁴³ По мнению современного украинского историка Владимира Леоновича Комара, различие это заключалось в следующем: «Федерализм Ю. Пилсудского и пилсудчиков предусматривал решение двуединого вопроса: 1) ослабление России, как считалось, главной угрозы независимости Польши; 2) привлечение к реализации этой цели литовского, белорусского и украинского народов, которые вместе с польским сосуществовали в шляхетской Речи Посполитой. Благодаря реализации концепции федерализма, возрожденная Польша в союзе с независимыми Литвой, Белоруссией и Украиной должна была обеспечить себе лидерство в Центрально-Восточной Европе и претендовать на роль сверхдержавы. Согласно концепции инкорпорации, считалось целесообразным присоединить к Польше все территории, на которых имелось этническое или же экономическое и культурное превосходство поляков. То есть в границах Польского государства должны были оказаться Литва, часть Белоруссии вместе с Минском, Полесье, Вольшынь и Подляшье. Остальные спорные территории было решено оставить России». См.: Комар 2012: 60.

⁴⁴ Krotofil 2022: 229.

⁴⁵ Krotofil 2022: 235.

и экономические, и политические ресурсы ЗУНР, возникшей на территории Восточной Галиции, слишком ограничены. Фактически это государственное образование не было жизнеспособно даже при условии постоянной внешней поддержки, что и обусловило фиаско западноукраинского государственного проекта⁴⁶.

Сборник завершил материал Д. Михалюк, посвященный белорусскому национальному движению и национально-государственному проекту в годы Первой мировой войны и в первые послевоенные годы. В статье, озаглавленной «Возникновение белорусских политических центров и их стремление к признанию белорусской государственности (1915–1921)», перечислены факторы, стимулировавшие национально-политическую мобилизацию белорусов в данный период: начало войны и массовый исход беженцев из западных губерний, немецкая оккупация части Литвы и Белоруссии, отречение Николая II и революционные события в России, попытки соседей создать собственные государства и конфликты между ними, в том числе — большой советско-польский⁴⁷. Но несмотря на это, в годы войны «консолидация белорусской политической среды происходила гораздо медленнее, чем у других народов региона» (негативную роль играла, по мнению Д. Михалюк, «близость российско-германского фронта»)⁴⁸. И хотя в 1915 г. выдвигалась идея создания государства-противовеса России и Польше в виде либо возрожденного Великопольского княжества Литовского, либо конфедерации Литвы, Латвии, Белоруссии и Украины⁴⁹, вопрос о создании независимого и суверенного государства Белоруссия всерьез не обсуждался вплоть до 1918 г. Когда же белорусы попытались последовать примеру своих соседей — Литвы и Украины, оказалось, что Белорусская Народная Республика, как и Западно-Украинская Народная Республика, не обладает ни внутренними, ни внешними ресурсами, необходимыми для самостоятельного существования. В реализации белорусского национально-государственного проекта не были заинтересованы ни Германия, ни страны Антанты, ни возрожденная Польша. Украинская Народная Республика, на признание которой белорусские политики возлагали большие надежды, сама не обладала в это время необходимой

⁴⁶ Krotofil 2022: 241.

⁴⁷ Michaluk 2022: 245–246.

⁴⁸ Michaluk 2022: 248.

⁴⁹ Michaluk 2022: 247–248.

субъектностью. В результате ни одно из правительств БНР не контролировало белорусскую территорию, не могло сформировать ни работоспособные административные структуры, ни собственную армию. Конец БНР был предreshen и предсказуем.

Самостоятельный интерес представляет дизайн обложки, вернее — один его элемент: фотография, на которой запечатлено одно из первых пленарных заседаний мирной конференции, предшествовавшей заключению Рижского мирного договора 1921 г. Эта фотография используется достаточно часто для иллюстрации тех или иных материалов, посвященных этому событию, и можно сказать, что уже стала его символом⁵⁰.

Гала-зал рижского Дома Черноголовых. Ранний вечер 21 сентября 1920 г. За высокими готическими окнами еще светло, но в зале уже зажжены тяжелые люстры. Под ними в центре зала стоит длинный, накрытый сукном стол для членов делегации. По его краям приставлены треугольные столы для польских и российских стенографистов. В конце длинного стола стоит отдельный стол, предназначенный для нашего министра иностранных дел, рядом с ним — стулья для адъютантов. Вдоль стен расположены места для представителей прессы⁵¹.

Зал полон. Вероятно, фотограф запечатлел момент начала заседания:

В четверть шестого [члены делегаций] садятся за красный стол в центре зала, довольно тесно, и готовятся к работе. За столом также сидят стенографистки и переводчики. Ближе к стенам и входу расположены столы и столики для немногочисленных гостей и представителей прессы, которые представляют издания почти со всего мира⁵².

Слева за столом — российская делегация, справа — польская. В этот день их работа свелась к коротким выступлениям и обмену доверенностями, так что к шести часам вечера первое заседание

⁵⁰ Например, за год до издания «Наций и границ», в 2021 г. Институт национальной памяти (*Institut Pamięci Narodowej*) провел в Королевском замке в Варшаве выставку «Горький мир. Рижский договор 1921 года». Среди материалов выставки — буклет «Рижский договор 1921 г.», где эта фотография использована дважды — на стартовой странице и на с. 7.

⁵¹ Екабсонс 2014: 475.

⁵² Екабсонс 2014: 274.

завершилось, породив, однако, большие надежды. В статье, посвященной польско-советским переговорам в Риге, Э. Екабсонс привел слова латвийского журналиста:

Хочется верить, что вскоре в Доме Черноголовых за красным столом переговоров их участники обменяются оливковыми ветвями и тем самым сделают большой шаг в сторону разрешения всего восточно-европейского вопроса⁵³.

В сборнике «Нации и границы» Рижский мирный договор трактовался неоднозначно. С одной стороны, Рижский мир завершил советско-польскую войну, которая угрожала дезинтеграцией только начинавшему формироваться послевоенному порядку. Для Польши он стал большой дипломатической победой, благодаря которой в 1921–1923 гг. не просто был закрыт вопрос о конституировании восточной границы возрожденного государства, но и возник Версальско-Рижский порядок, то есть центральноевропейская подсистема / центральноевропейская периферия Версальско-Вашингтонской системы⁵⁴, одним из главных элементов которой стала Польша. Наконец, Рижский мирный договор позволил нескольким сотням тысяч беженцев разных национальностей вернуться в родные места⁵⁵. С другой стороны, Польше ради заключения этого мира пришлось пожертвовать независимостью Украины и идеей создания польско-литовско-белорусской федерации⁵⁶. Рижский договор «окончательно разрушил надежды белорусской и украинской элит на достижение государственной независимости»⁵⁷, заставив «практически все украинские и белорусские партии» поставить перед собой «задачу объединения так называемых этнических территорий»⁵⁸.

Как написал спустя 74 года Томас Венцлова (род. в 1937 г.), «надеждой притворялась пропасть»⁵⁹. Одного шага, чтобы разрешить «весь восточноевропейский вопрос», оказалось слишком мало.

⁵³ Екабсонс 2014: 276.

⁵⁴ Kania 2022: 72, 86–88; Jēkabsons 2022: 111; Мезга 2022.

⁵⁵ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁶ Kania 2022: 86.

⁵⁷ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁸ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11.

⁵⁹ Стихотворение «Я знаю, что оно как будто истекает». См.: Журнал «Горький». URL: <https://magazines.gorky.media/slo/2001/1/stihi-raznyh-let-4.html> (дата обращения: 30.11.2023).

Фотография 21 сентября 1921 г. кажется в этом смысле аллегорией вечно длящихся переговоров о судьбе народов и очертаниях границ этой странной, но реальной и требующей признания земли — Центрально-Восточной Европы.

После распада Российской, Германской и Австро-Венгерской империй и формирования на их руинах новых государств национальный вопрос не исчез и не утратил своего как созидательного, так и деструктивного потенциала. Напротив, уже первые послевоенные годы показали:

Процесс национализации, основанный на попытках сформировать отдельные государства и определить их границы с учетом этнических и исторических критериев, выявил множество уровней конфликтов, краткосрочных союзов и дипломатической борьбы на международной арене⁶⁰.

Авторы сборника «Нации и границы» написали:

Польская политическая элита столкнулась с необходимостью не только борьбы за границы и территориальное единство своего государства, но и выяснения отношений с народами, которые когда-то жили вместе с поляками в одном государстве, а теперь встали на путь эмансипации⁶¹.

Это справедливо. Но это только часть проблемы. Во-первых, с аналогичными трудностями столкнулась и Россия. Во-вторых, ни одно из трех важнейших для региона Центрально-Восточной Европы государств — ни Россия, ни Германия, ни Польша — не были удовлетворены результатом перекройки европейской карты — установлением Версальско-Рижского порядка, что и обусловило недолговечность последнего. Вопрос о легитимности установленных в 1921 г. и подтвержденных в 1923 г. государственных границ и обоснования права наций на свою государственность⁶² остается актуальным и спустя 100 лет. Точно так же остаются значимыми вопросы о том, что обуславливает жизне- и нежизнеспособность тех или иных государственных проектов, какие атрибуты государственности необходимы в первую очередь, чтобы обеспечить национальный суверенитет — как

⁶⁰ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 11–12.

⁶¹ Michaluk, Krotofil (Hrsg.) 2022: 12.

⁶² Васильев 2012: 64.

внутренний, так и (в случае Центрально-Восточной Европы особенно!) внешний, какую роль играет в обеспечении национального суверенитета поддержка извне и т. д. Это придает сборнику особенную актуальность.

Некоторые статьи можно было бы упрекнуть в недостатке новаторских подходов, поскольку, на первый взгляд, в них просто пересказывается информация, достаточно хорошо известная. В частности, нет недостатка в сведениях об украинско-польских отношениях в период Директории, хорошо изучены первый и второй зимние походы армии УНР, неоднократно становились объектом исследования государственные институты УНР в эмиграции. То же можно сказать о попытках реализации белорусского государственного проекта, о ходе Национальной революции в Латвии и т. п. Однако это первое впечатление от сборника, как представляется, не столько неверно, сколько неполно.

Как писал в 2001 г. Алексей Ильич Миллер:

Используемый в русском языке термин “Центральная Европа” обозначает целый букет существенно различающихся, иногда прямо друг другу противоречащих концепций, причем концепций сравнительно недавнего происхождения. Правильнее поэтому говорить не о понятии “Центральная Европа”, но о теме Центральной Европы по аналогии с музыкальной темой, которую можно подвергать бесконечным вариациям. Выходящие даже сегодня книги и статьи о Центральной Европе неизменно открываются рассуждениями о том, что их авторы понимают под Центральной Европой. А значит, спрашивать нужно не о том, принадлежит ли та или иная страна Центральной Европе, но о том, какое место отводится той или иной стране в той или иной концепции Центральной Европы⁶³.

Следуя этой логике, материалы сборника следует оценивать в первую очередь как важный историографический источник — свидетельство переосмысления исторической наукой постсоветских и постсоциалистических стран не столько прошлого как такового, сколько старого, еще имперского исторического нарратива. Переосмысление это осуществляется действительно отчасти в рамках теории Оскара Халецкого — характерной для второй трети XX в. вариации на тему межцивилизационных пространств.

⁶³ Миллер 2001: 19.

Как представляется, не менее важно и влияние современности, реалий XXI в. Страны Центрально-Восточной Европы по-прежнему входят в «зону», являющуюся, как формулирует, например, Х. Адомайт, «одновременно сферой сотрудничества и конкуренции» между Россией и Германией. Однако эта зона много шире Центрально-Восточной Европы Халецкого, и включает, помимо Беларуси, Украины, стран Балтии и Польши, также, как минимум, Молдову, Армению, Грузию, Азербайджан⁶⁴. В XXI в. она превратилась в место противостояния ««расширенной Европы» и «расширенной России»»⁶⁵, которое обострило старые нерешенные проблемы, связанные с национальной государственностью и правами меньшинств, и стимулировало интерес к их истокам и прошлым сценариям решения. Редакторы сборника выразили надежду, что представленные в нем работы помогут понять исторические события, исторические решения, исторические ошибки, оказывающие и сегодня влияние на ситуацию в этой части Европы. В этом контексте сборник выполняет гораздо более сложную и интересную задачу: он помогает увидеть события, решения и ошибки, которые сегодняшним историкам зоны противостояния ««расширенной Европы» и «расширенной России»», кажутся судьбоносными, понять, как работает историческая мысль в эпоху очередного восточноевропейского кризиса.

Список сокращений

БНР — Белорусская Народная Республика
ГЦ УНР — Государственный центр Украинской Народной Республики
ЗУНР — Западно-Украинская Народная Республика
УНР — Украинская Народная Республика

Литература

Адомайт 2012 — *Адомайт Х.* Политика Германии в отношении России: конец «медового месяца». [Париж: Institut Français des Relations Internationales], 2005. 24 с. (Russie. Ce.Visions. № 6(b)). URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

⁶⁴ Адомайт 2005: 19.

⁶⁵ Адомайт 2005: 19.

- Васильев 2012 — *Васильев А. Г.* «Родная земля» в польской национальной памяти эпохи разделов. Дискурсивное формирование образа страны в социально-гуманитарной мысли // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 64–78.
- Екабсонс 2014 — *Екабсонс Э.* Польско-советские мирные переговоры в Риге. Взгляд из Латвии // Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры / ред. С. Дембский, А. Мальгин. М.: Аспект пресс, 2014. С. 268–285.
- Иванов 2018 — *Иванов Ю. В.* Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945. М.: Международные отношения, 2018. 384 с.
- Комар 2012 — *Комар В. Л.* Польские планы решения украинского вопроса накануне второй мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2012. № 1(4). С. 60–65.
- Мезга 2022 — *Мезга Н. Н.* Рапальский договор как фактор международных отношений на центральноевропейской периферии версальской системы (1922–1925) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2022. № 3. С. 61–70.
- Миллер 2001 — *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Политическая наука. 2001. № 4. С. 18–33.
- Стобецкий 2019 — *Стобецкий П.* Центрально-Восточная Европа в польском публичном дискурсе вчера и сегодня // Славяноведение. 2019. № 3. С. 56–67.
- Balkelis 2022 — *Balkelis T.* The Conflict over Vilnius, July to September 1920 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Band 4. V&R unipress, 2022. P. 147–170.
- Blaszczak 2022 — *Blaszczak T.* The emergency of independent Lithuania in 1918 and two (un)realized institutional models of autonomy // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 171–188.
- Centek 2022 — *Centek J.* Die Entwaffnung der deutschen Truppen in den polnischen Gebieten im November 1918 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 51–70.
- Jēkabsons 2022 — *Jēkabsons Ē.* Latvian war of independence: The main features (1918–1920) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 111–128.

- Kania 2022 — *Kania K.* Diplomatic and military efforts for recognition of the Republic of Poland and its borders, 1914–1921 (1923) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 71–92.
- Kilinskas 2022 — *Kilinskas K.* The expectations of government members and diplomats of Lithuania and the real capabilities of the armed forces while fighting the Bolsheviks in 1919 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 129–146.
- Krotofil 2022 — *Krotofil M.* The Establishment of the West Ukrainian People's Republic and the 1918–1919 Polish-Ukrainian War in the context of the aspirations of Galician Ukrainians towards independence // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 229–244.
- Michaluk 2022 — *Michaluk D.* Entstehung belarussischer politischer Zentren und ihr Streben nach Anerkennung der Staatlichkeit von Belarus (1915–1921) // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 245–274.
- Michaluk, Krotofil 2022 — *Michaluk D., Krotofil M.* Vorwort // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 7–16.
- Nazarova 2022 — *Nazarova E. L.* Establishment of the Latvian state. From the origin of the idea to the emergence of a Democratic Republic, 1905–1922 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 93–110.
- Potapenko 2022 — *Potapenko M.* Ukrainian Statehood as Seen by Polish Political Forces in Dnieper Ukraine in 1917 and 1918 // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 211–228.
- Skowrońska 2021 — *Skowrońska R.* Vorwort // Migration — Kommunikation — Transfer / hrsg. von A. Radzimiński, J. Rakoczy, H. Flachenecker, R. Skowronska. Göttingen: V&R unipress, 2021. Bd. 1. S. 7–10.
- Sribnyak 2022 — *Sribnyak I.* The Ukrainian People's Republic Directorate — the state centre of the Ukrainian People's Republic in exile (1919–1926):

A study of military and political activity in Ukraine and Poland // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 189–210.

Zaleska 2022 — *Zaleska I.* Federation or incorporation? Polish political parties towards the conception of the shape of the Eastern Border in the period before the outbreak of World War I // Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022 (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). P. 17–50.

References

- Adomait, Kh., 2012. *Politika Germanii v otnoshenii Rossii: konets “medovogo mesiatsa”* [Germany’s policy towards Russia: the end of the “honeymoon period”]. 24 p. [Paris: Institut Français des Relations Internationales], 2005. 24 c. (Russie.Cei.Visions, 6(b)). URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/adomeitrusse.pdf> (accessed: 30.11.2023). (in Rus.)
- Balkelis, T., 2022. The Conflict over Vilnius, July to September 1920. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 147–170.
- Błaszczak, T., 2022. The Emergency of Independent Lithuania in 1918 and Two (Un)Realized Institutional Models of Autonomy. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 171–188.
- Centek, J., 2022. Die Entwaffnung der deutschen Truppen in den polnischen Gebieten im November 1918. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 51–70.
- Jēkabsons, Ē., 2022. Latvian war of independence: The main features (1918–1920). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 111–128.
- Jēkabsons [Jēkabsons], E., 2014. Pol’sko-sovetskie mirnye peregovory v Rige. Vzgliad iz Latvii [Polish-Soviet peace talks in Riga. View from Latvia]. In: Dembskii, S., Maľgin, A., eds. *Zabytyi mir. Rizhskii dogovor 1921 goda: interpretatsii i spory* [The forgotten peace. The 1921 Treaty of Riga: Interpretations and disputes]. Moscow: Aspekt press, pp. 268–285. (in Rus.)

- Ivanov, Iu.V., 2018. *Ocherki istorii rossiisko(sovetsko)-pol'skikh otnoshenii v dokumentakh. 1914–1945* [Essays on the history of Russian (Soviet)-Polish relations in documents. 1914–1945]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniia, 384 p. (in Rus.)
- Kania, K., 2022. Diplomatic and military efforts for recognition of the Republic of Poland and its borders, 1914–1921 (1923). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, pp. 71–92.
- Kilinskas, K., 2022. The expectations of government members and diplomats of Lithuania and the real capabilities of the armed forces while fighting the Bolsheviks in 1919. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 129–146.
- Komar, V.L., 2012. Pol'skie plany resheniia ukrainskogo voprosa nakanune vtoroi mirovoi voyny [Polish plans for solving the Ukrainian question on the eve of the Second World War]. *Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeskikh istoricheskikh issledovanií*, 1(4), pp. 60–65. (in Rus.)
- Krotofil, M., 2022. The Establishment of the West Ukrainian People's Republic and the 1918–1919 Polish-Ukrainian war in the context of the aspirations of Galician Ukrainians towards independence. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 229–244.
- Mezga, N.N., 2022. Rapall'skii dogovor kak faktor mezhdunarodnykh otnoshenii na tsentral'noevropeiskoi periferii versal'skoi sistemy (1922–1925) [The Treaty of Rapallo as a factor of international relations on the Central European periphery of the Versailles system (1922–1925)]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia*, 3, pp. 61–70. (in Rus.)
- Michaluk, D., 2022. Entstehung belarussischer politischer Zentren und ihr Streben nach Anerkennung der Staatlichkeit von Belarus (1915–1921). In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 245–274.
- Michaluk, D., Krotofil, M., 2022. Vorwort. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 7–16.
- Miller, A.I., 2001. Tema Tsentral'noi Evropy: istoriia, sovremennye diskursy i mesto v nikh Rossii [The theme of Central Europe: history, contemporary discourses and Russia's place in them]. *Politicheskaiia nauka*, 4, pp. 18–33. (in Rus.)

- Nazarova, E. L., 2022. Establishment of the Latvian state. From the origin of the idea to the emergence of a democratic republic, 1905–1922. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 93–110.
- Potapenko, M., 2022. Ukrainian statehood as seen by Polish political forces in Dnieper Ukraine in 1917 and 1918. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 211–228.
- Skowrońska, R., 2021. Vorwort. In: Radziminski, A., Rakoczy, J., Flachenecker, H., Skowronska, R. eds. *Migration — Kommunikation — Transfer*, 1. Göttingen: V&R unipress, pp. 7–10.
- Sribnyak, I., 2022. The Ukrainian People's Republic Directorate — The state centre of the Ukrainian People's Republic in exile (1919–1926): A study of military and political activity in Ukraine and Poland. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, pp. 189–210.
- Stobetskii, R., 2019. Tsentral'no-Vostochnaia Evropa v pol'skom publichnom diskurse vchera i segodnia [East-Central Europe in Polish public discourse yesterday and today]. *Slavianovedenie*, 3, pp. 56–67. (in Rus.)
- Zaleska, I., 2022. Federation or incorporation? Polish political parties towards the conception of the shape of the Eastern border in the period before the outbreak of World War I. In: Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4), pp. 17–50.
- Vasil'ev, A. G., 2012. "Rodnaia zemlia" v pol'skoi natsional'noi pamiati epokhi razdelov. Diskursivnoe formirovanie obraza strany v sotsial'no-gumanitarnoi mysli ["Homeland" in Polish national memory of the partition era. Discursive formation of the image of the country in socio-humanitarian thought]. *Dialog so vremenem*, 40, pp. 64–78. (in Rus.)

Elena A. Kosovan

PhD, Associate Professor, Institute of Eurasian and Interregional Studies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia. 125993, Miusskaya Sq., bld. 6, Moscow.
E-mail: kosovan.ea@rggu.ru

Shared Sufferings, Shared Interests, One Hope for Freedom

Review of Krotofil, M., Michaluk, D., eds. *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg*. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4)

The article critically reviews the collection of articles with the title “Nations and Borders. The Emergence of New States in Central and Eastern Europe after World War I”. The collection was published in 2022 as part of the series “History from the Central European Perspective”, a platform welcoming academic discussion centred around the medieval, modern, and contemporary history of Poland and so-called Central and Eastern Europe. The articles were written by historians from Poland, Russia, Ukraine, Latvia, and Lithuania. They focus on the “emancipation” of the peoples of the region during and after World War I, when the Russian, German and Austro-Hungarian empires collapsed, and Poland began restoring its statehood. The authors look closely into the formation of statehood and the steps associated with it, that is establishing territories and borders, defining the population and its status / status hierarchy, creating power structures and organisations, and singling out the executive branch and the armed forces. The collection research also delves into national sovereignty and its domestic and external sources. For example, the authors analyse the impact Great Britain, the US, France, Germany, and Russia had on the formation of Polish, Ukrainian, Belarusian, Lithuanian, and Latvian statehood, with the restored Polish state acting both as a participant and as a factor of national and state creation. The author of the review praises the contribution of the collection creators to contemporary Eastern and Central European studies, listing historiographical value as its strength, as it shows that big imperial narratives are being reinterpreted from a national perspective.

Key words: East-Central Europe, nation, statehood, border, identity, conflict, First World War, Treaty of Riga, historiography, critics

Received: 12 February 2024

Accepted: 11 March 2024

How to cite: Kosovan, E. A., 2024. Obshchie stradaniiia, obshchie interesy, odna nadezhda na svobodu. Rez. na: *Nationen und Grenzen. Bildung neuer Staaten in Ost- und Mitteleuropa nach dem Ersten Weltkrieg* / hrsg. von M. Krotofil, D. Michaluk. Göttingen: V&R unipress, 2022. 277 S. (Geschichte im mitteleuropäischen Kontext. Bd. 4). *Central-European Studies*, 7, pp. 425–449. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2024.7.14>.